113 01/74 all

ЛИНГВИСТИКА О. И. СЕНКОВСКАГО.

Пріимши же хытрость вещію, яко же хощетъ, тако же образъ створитъ.... Пакы же другимъ начала и рѣчетворенія злѣйша паче; словеса бо свращаютъ на своя умышленія.

I. Е. Б.

Въ 1-й книжкѣ Библіотеки для Чтенія 1848 г., въ отдѣлѣ наукъ и художествъ, помѣщено объясненіе «Манифеста Дарія, сына Истаспова, и прочіе каменописные памятники древнихъ Царей Персіи (статья 1-я).» Довольно было одного этого названія, чтобы обратить вниманіе многихъ ученыхъ на новой трудъ О. И. Сенковскаго, который такъ долго молчалъ на поприщѣ, на коемъ нѣкогда подвизался, кажется, съ большимъ отличіемъ. Не говоря о прочемъ, вѣроятно, Русскіе критики помнятъ еще знаменитое объясненіе его одной Исландской Саги, надѣлавшей, во дни оны, страшнаго шуму. И теперь, какъ и тогда, не успѣло еще явиться самое сочиненіе нашего язычника, какъ вѣрный подручникъ и глашатай ученой славы его, Ѳ. В. Булгаринъ, пріударилъ, что силы есть, въ набатъ Сѣв. Пч. и возвѣстилъ міру явленіе новаго, невиданнаго дотолѣ, свѣтила на тверди Русской Словесности и Науки. И теперь, какъ и во время оно, Г. Булгаринъ объявилъ, что отъ изумленія онъ, просто, внѣ себя предъ Г. Сенковскимъ, и совѣтуетъ каждому послѣдовать его благому и смиренному примѣру, или, по крайности, преклониться, поникнуть челомъ предъ такимъ лучезарнымъ явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько помню, никто ни одного ученаго не осыпалъ такими похвалами при самомъ появленіи его творенія, какими осыпалъ Ѳ. В. почтеннаго О. И. «*Это всемірной важности* сочиненіе», и т. п., и т. п. Живо помню, какъ въ слѣдъ за сочиненіемъ объ Исландскихъ Сагахъ, явилась и злая, хотя во многомъ, по моему мнѣнію, недозрѣлая, критика на это произведеніе, гдѣ и вос-

хвалителю также воздано должное. Любопытство сильно подстрекало меня тотчасъ прочесть препрославленное новое дѣтище Русскаго Оріенталиста, но прошедшее плохо рекомендовало мнѣ его. Наконецъ, улучивъ на дняхъ досугъ, я принялся читать «Манифестъ Дарія, сына Истаспова» и проч. Признаюсь, по пословицѣ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, отъ чуда къ чуду переходилъ я и невольно смирялся духомъ и всѣмъ помышленіемъ передъ такою всемірною ученостію, напоминающею Мецофанти. Но на страницѣ 82-й я невольно воскликнулъ: «*Кспжи вюзеркъ!*» (Князь великій). Что это такое? И точно, прошу каждаго, кто сколько ни будь смыслитъ въ *Славянскихъ нарѣчіяхъ*, прочесть слѣдующія слова нашего лингвиста, и потомъ сказать свое мнѣніе. «Нѣтъ ничего опаснѣе, — говоритъ онъ, — какъ переводить съ неизвѣстнаго нарѣчія, опираясь на однѣ только наружныя сходства словъ его со словами другихъ нарѣчій того же языка. Вотъ примѣръ — словацкая фраза, *взятая* изъ одной газеты, выходящей въ Пестѣ: *тео свіен мисао и збите излезе три пудъ*, послѣ многихъ весьма тонкихъ соображеній, основываясь на наружныхъ сходствахъ этихъ словъ съ Русскими и не слишкомъ дорожа строгою логикой, вы, пожалуй, переведете, — *того свинаго мяса избитаго вылѣзло изъ него три пуда*, — и объявите, что словацкій стрѣльчатый языкъ вы разобрали. Между тѣмъ фраза значитъ: *тѣ всѣ мысли и событія являлись три раза.* О свиномъ мясѣ и о трехъ пудахъ тутъ въ поминѣ не было. *Св*, въ словѣ *свіе* есть выворотное *вс*, происходящее отъ другой интонаціи буквы *е*, потому что мягкое *в* — wh, *вь*, — производитъ *вс*, а твердое, — whh, *вьь* или *въ*, даетъ *wss* (*вш*) и *ssw* (*шв*). Этотъ новый примѣръ вывороту звуковъ, котораго теорію мы уже знаемъ, стоитъ быть примѣченнымъ. Вскорѣ мы увидимъ другой подобный въ словѣ *Ормузда.*» И дѣйствительно, на слѣдующей же страницѣ примѣръ этотъ является глазамъ вашимъ: «*Ормузда*, собственно Uer-mözd. Uer есть причастіе настоящаго времени отъ глагола ê или uè, *былъ*,

и значитъ — сущій, ens, étant, германское wer-dend. Mözd, выворотное mödz, не требуетъ длинныхъ выводовъ: это слово находится въ томъ и другомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, *можць*, modz, мочь, можно, мощно, мощно, mocno, и во всѣхъ германскихъ, mögd, Macht, mögen, наше *могу*, *можешь*, и т. д. Mözd или mözda, по выговору разныхъ восточныхъ племенъ, которые букву *м* безпрестанно измѣняютъ въ *б*, естественно превращается въ bözda или buzda; zd дѣлается у нихъ удвоеннымъ d; и вотъ какимъ образомъ, изъ Mözda образуется Budda, знаменитое названіе Верховнаго Существа у буддистовъ. *Ор-музда* или *Ор-будда*, это все равно.» Незнакомые съ *дѣломъ*, прочитавъ эти два объясненія, невольно станутъ удивляться, по крайней мѣрѣ, знанію и тонкости проницанія комментатора нашего. Но *дѣло* въ томъ, что все, здѣсь сказанное, за исключеніемъ самаго приступа (перваго періода: «Нѣтъ ничего опаснѣе,» и пр.) — *чистѣйшая Брамбеусовская фантазія* Г. Сенковскаго, чтобъ не сказать больше и хуже. Во 1-хъ) въ Пестѣ никогда не выходило и не выходитъ *Словацкой газеты*. Тамъ нынѣ изъ Славянскихъ газетъ выходитъ только Сербская газета «Сербске народне Новине», и при нихъ «Сербскій народный листъ», издаваемые Ѳ. *Павловичемъ*. Во 2) изъ *восьми словъ*, взятыхъ нашимъ Славистомъ, очевидно, изъ этой газеты (если только взяты), *шесть* наповалъ изуродованы, для того, чтобъ получить именно тотъ смыслъ, какой хотѣлось ему имѣть въ подкрѣпленіе своей мысли. Такъ *тео* употреблено имъ вмѣсто *те*, *свіен* вм. *све*, *мисао* вм. *мисли* (если же число единственное, то мисао правильно, но за то первыя два слова должны быть согласованы такъ: *та сва*), *и збите* вм. *и збитѣ*, *излезе* вм. *излазе*, *изилазе*, *три пудъ* вм. *три пута*. И такъ, не удивительно при такомъ знаніи и добросовѣстности въ Лингвистикѣ, изъ *сва мисао* сдѣлать *свиное мясо*, гдѣ къ его *свіе* прибавлено еще на концѣ *н* для большаго сходства съ *свиней*, изъ *збите* получить *избитаго*, а изъ *три пута* (*путъ* значитъ у Сербовъ наше *разъ*), наконецъ, *три пуда*; и того

три пуда избитаго свинаго мяся вылѣзло изъ *той всей мысли и событія* (или *тѣхъ всѣхъ мыслей и событій*), *котора(ы)я являла(и)сь три раза.* Вотъ что называется дѣло мастера боится. Всякой видитъ, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, говоря словами переводчика, «о свиномъ мясѣ и о трехъ пудахъ и въ поминѣ не было,» а все это явилось только въ слѣдствіе глубокаго умѣнья *дешифрировать* (употребимъ любимое выраженіе нашего Оріенталиста) «неизвѣстныя нарѣчія, опираясь на однѣ только наружныя сходства словъ его со словами другихъ нарѣчій того же языка», а еще болѣе языка, принадлежащаго, собственно, *дешифровщику*, плодъ особенной его *учености* въ этомъ дѣлѣ.

Дивиться ли послѣ сего, какъ изъ слова *весь* образовалось *савъ*, *све*, въ которомъ что ни слово, то три пуда свинаго мяса? По «этому же новому примѣру *выворотy* звуковъ,» выворочено и *Ормуздъ* черезъ mözd, mödz, мождь, modz, можднo (?!) и проч., и проч., въ *Орбуддъ* или *Орбудда*, *что*, по его словамъ, *все равно*, и, слѣдовательно, можно заключить, если угодно, что «вѣра Будды существовала уже при Кирѣ». По нашему, пожалуй, и не то еще можно заключить при такихъ *всемірныхъ выворотахъ*, даже, на примѣръ, что все объясненіе Дарієва Манифеста и прочихъ каменописныхъ памятниковъ древнихъ царей Персіи, просто на просто чистой выворотъ, котораго теорію нашъ Русскій Ролинсонъ съ такой ученой добросовѣстностью изложилъ намъ во всеуслышаніе и которая подлинно «стòитъ быть примѣченной.» Это, безъ преувеличеній, говоря его же словами, *свіенска мисао* дешифрировать неизвѣстныя нарѣчія. Мудрено ли было, натягивая такъ слова, разобрать всѣ гвоздеобразныя и стрѣльчатыя грамоты загадочнаго Востока, писанныя на трехъ и болѣе языкахъ, открыть въ нихъ «множество словъ Греческихъ, Латинскихъ, преимущественно же Славянскихъ», въ viyaka — Новоперсид. tchih, Латин. vehere, vectus, Нѣм. ziehen, Древвицкое (?!) цянуць, Русск. тянуть, тяга, Польск. цёнгнонць,

Ислан. teka, Англ. take, такъ что, по перемѣнѣ интонаціи это viyaka выворотится въ уік, а уік въ *съвикъ*, *зьвигъ*, *двиг*, и выйдетъ желанное двигать, сдвигать; такъ что, послѣ всего этого колесованья оно уже будетъ значить Новоперсидское *чидъ*, накопилъ, нахваталъ, награбилъ, *стянулъ*, а это-то и нужно намъ для объясненія Даріева Манифеста, по коему какъ разъ выйдетъ самый логическій естественно проистекающій изъ предъидущаго смыслъ, «то, что самозванецъ награбилъ, *стянулъ*, я щедро назадъ роздалъ.»

Или, посмотрите, какъ *Берди* имя убитаго брата Камбизова, принятое самозванцемъ по смерти Камбиза, *Мерди* и *Смердисъ* Геродота — одно и тоже имя, три различныя интонаціи одного и того же начальнаго звуку *б*: bherdi—wherdi—mherdi—hmerdi—smerdi, то есть, таже исторія Ормузда и Будды; стоитъ только подставить побольше *h* къ требуемой буквѣ. Сильное, положительное доказательство превращенія *б* въ *см* видитъ О. И. въ «Старой Смирнѣ, *Смирнъ*, собственно *Смюрнъ*, донынѣ у мѣстныхъ жителей называемой *Бюрна*, *Бюрн*-âбадъ.» Къ этому же роду относится и объясненіе тождества буквы *д* и *g* въ *Мерди* и *Берди* Манифеста Даріева, и *Смердисъ* Геродота, *Mergis* Юстина. по коему «слогъ *gis* совершенно равносиленъ слогу *dis*, какъ въ Венгерскомъ *Madyar* и *Magyar*, т. е., что мягкое *d* соотвѣтствуетъ Нѣмецкому *dt*, произносимому неопредѣленно, какъ *d* и какъ *t*. Отсюда одно изъ свойствъ этого звуку состоитъ въ томъ, что онъ, какъ *t* произносится между *t* и *k*, а такъ *d* получаетъ выговоръ средній между *дъ* и *гъ*, на прим., *Русстіе* и *Русскіе*, *Madyar* и *Magyar*. Это же мягкое *дь*, *td* дѣлается *ць*, перейдя черезъ *кь*: *Русстіе*, *Русскіе*, *Русціе*; слѣдовательно, мягкое *дь* была буква непостоянная въ выговорѣ, и произносилась, смотря по мѣстоположенію, какъ *dt*, какъ *t*, какъ *d*, какъ *кь*, *ць*, *чь*, даже *й*. Это—совсѣмъ венгерское *gy*, безпрестанно мѣняющее выговоръ, а иногда и вовсе не произносимое.» Словомъ, что вамъ угодно, то и будетъ эта буква. Но,

хотѣлось бы знать намъ, откуда Г. Сенковскій узналъ, или гдѣ подмѣтилъ, что Венгры (Мадьяры) произносятъ свое *gy*, безпрестанно мѣняя выговоръ, т. е., и какъ мягкое *d* (дѣ) и какъ мягкое *г* (гѣ), и даже вовсе не произносятъ? Мы таки не неучи въ Мадьярскомъ языкѣ, а такихъ чудесъ не открыли въ немъ и слѣда. Или, какіе *Южные Славяне* Персидское *довьдя*, наше *долго*, произносятъ *довго*?

Не угодно ли кому знать еще, что такое были пресловутые въ древности *Саки*? «Надъ десятою фигурою, въ остроконечномъ Калмыцкомъ колпакѣ, изображенъ человѣкъ. Это — Сарукъ, Сакъ. Сакъ, то есть, Ногаецъ, Монголъ.» Только ли? Послушайте далѣе! «*Сакъ*, или *секъ* по Персидски, *нохай* или *ногай* по Монгольски, равно значитъ собака. Имя собачьяго народа, или Ногайцевъ — весьма древнее въ исторіи. Отсюда почти допотопная сказка о средне-Азійскомъ народѣ съ собачьими головами и лаемъ, *Kynogephali*, извѣстная въ самой глубокой древности. Saki или Sagi, Малые Ногайцы, и Mahasagi или Masagi (Масагеты), т. е., Великіе Саки, *Великіе Собаки*, Великіе Ногайцы, являются въ другой надписи Дарія подъ соединеннымъ названіемъ *Саки-Маки*. Это *Гогъ* и *Магогъ* библейскихъ преданій (maha Gog, masa Gog, Великіе Гоги, Масагеты), *Дзюджь* и *Ма-Дзюджь* арабскихъ писателей, Малые и Великіе Жуоженцы китайскихъ лѣтописей, завоевавшіе Бактріану, Кабуль и Индію за полторы тысячи лѣтъ до Бабера.» Каково? *Саки—Собаки!* Оно такъ и должно быть; не напрасно же говорятъ намъ, что *собака* не наше, а Восточное, чуть ли не Мидское, Персидское слово, встрѣчаемое уже у Геродота, Юстина, слѣд., Восточное Восточнаго gaudet. *Ногай* или *Нохай* очень сходно съ Русскимъ *нюхай*, а собакамъ κατ' ἐξοχήν это идетъ, слѣд., и по этому уже *Нохай* или *Ногай* — собака. Но Mahasagi или Masagi и Maha Gog или Masa Gog, признаюсь, поразили меня. Я того и ждалъ, что нашъ Оріенталистъ, по извѣстному уже намъ выше выворотy его съ Словацкою фразою, такъ и подаритъ насъ снова *мясомъ*,

да ужъ не въ три пуда, а въ цѣлый народъ, *народомъ—мясомъ*. Mahasagi, Masagi=*Мясаги*, или *Мясаки*, или, съ выворотомъ и изворотомъ, *Мяснаки*, наше Русское *Мясники*, *народъ - мясники*. Оно же какъ-то и сродни съ Саками-Собаками, Нохаями-Нюхаями. А между тѣмъ, посмотрите, этѣмъ *объясняется* какъ нельзя естественнѣе и допотопная сказка о *народѣ съ собачьими головами и лаемъ*, эти *Кинокефалы* Грековъ, и *Саки*, и *Масагеты*, и даже *Гогъ* и *Магогъ* Библіи! И все это отъ системы, изобрѣтенной Г. Сенковскимъ, для чтенія стрѣльчатыхъ письменъ, «системы самой *раціональной* по уваженіямъ сравнительной филологіи,» системы «съ отличнымъ логическимъ смысломъ.»

Или, на примѣръ, это истинно всемірное объясненіе *оṣnâ*, по сознанію самаго О. И., «безспорно самаго интереснаго слова во всемъ Стрѣльчатомъ Манифестѣ,» въ которомъ, посредствомъ разныхъ мытарствъ (въ чемъ онъ далеко обогналъ и нашего блаженной памяти Василья Кирилловича), «мы получаемъ *ohna*, очень похожее на Нѣмецкое *ohne*, *безъ*.» Но какъ же, могутъ спросить его, оṣnâ въ Стрѣльчакахъ значитъ *чрезъ*, а тутъ (въ переводѣ) очутилось *безъ*? Не бойтесь! И на это есть выворотъ. «Перемѣну значенія, изъ *чрезъ* на *безъ*, можно постигнуть только при *помощи Славянской Филологіи*» (Ого! Какая честь Славянской Филологіи! Да это, просто, торжество торжествъ ея надъ Фрягами, особливо слыша это изъ устъ О. И., въ сѣдой древности такъ подшучивавшаго надъ ней и всѣми, занимавшимися ею.). Великополяне до сихъ поръ вмѣсто *чрезъ* употребляютъ *безъ*, и на оборотъ, вмѣсто *безъ* — *чрезъ*. Они пишутъ: *итти чрезъ мостъ*, а говорятъ: *итти безъ мостъ*; пишутъ — *рѣка безъ моста*, но въ разговорѣ выражаются — *рѣка чрезъ моста*.» Стало быть, того и гляди, что, попавши въ Великую Польшу, услышишь, или прочтешь въ ихъ книгахъ и записочкахъ обворожительныхъ Великополянокъ слѣдующія выраженія: «*Вы это говорите и дѣлаете безъ ума*,» что должно принимать за: «*Вы это говорите и дѣлаете чрезъ умъ*.» Слуга

покорный! Какихъ странностей, подумаешь, не откроешь въ языкахъ рода человѣческаго, какъ станешь ихъ разоблачать! Того и смотри, что, точно такъ, какъ *ohne* въ древности значило на берегахъ Персидскаго залива *чрезъ*, а у Нѣмецкаго моря *безъ*, и слово *умникъ*, означавшее, во время оно, въ Ираиѣ *мудраго*, пока дошло на берега *Варяжскаго моря*, вывороτилось на изнанку (=Персидск. *а'дуракъ?*). И эта странность, какъ увѣряетъ насъ О. И., еще «не безпримѣрна и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.» Но откуда она происходитъ? Того онъ не знаетъ; но «ясно, — говоритъ, — что въ древности она была общая многимъ языкамъ бѣлой породы, возникшимъ изъ одного источника.» Вѣроятно, этѣмъ же источникомъ языковъ бѣлой породы объясняется теперь и знаменитая дешифровка приведенной выше Словацкой фразы, въ которой *вся мысль и событія*, *являвшіяся три раза* на Дунаѣ, явившись на берегахъ Невы, вдругъ обратились въ *три пуда свинаго мяса!* Не правда ли, что «этотъ новый выворотъ языковъ, котораго теорію мы уже знаемъ,» точно безпримѣренъ, стòитъ быть примѣченнымъ!» Вотъ что значитъ открыть въ гвоздяныхъ и стрѣльчатыхъ буквахъ миѳическаго Востока языкъ «съ Греческой Грамматикой и Славянскими формами.» Шутка ли, изъ всѣхъ *мыслей нашихъ*, при извѣстныхъ мытарствахъ О. И., излазитъ *три пуда свинаго мяса*, да еще *избитаго!* Но погодите, еще не все. О. И. обѣщаетъ намъ во второй статьѣ и не такіе представить мыслевертки и слововертки. Онъ, какъ истинный художникъ, со смиреніемъ генія сознается, что, «хотя прочесть неизвѣстную грамоту — дѣло не легкое, однако труднѣе всего открыть *орѳографію*, безъ чего никогда не будетъ ни достовѣрности въ чтеніи, ни полнаго убѣжденія въ мысляхъ;» но «для того прежде всего, — замѣчаетъ онъ, — необходимо сравнить *первобытные алфавиты* между собою и *опредѣлить достоинство каждой ихъ буквы* въ отношеніи къ нынѣшнимъ.» О Боже! Когда же это будетъ? Доживемъ ли мы до этого откровенія таинъ Еги-

петскихъ, разоблаченія, наконецъ, всѣхъ іероглифовъ и кабалы Восточной? «Такое сравненіе можетъ дать, — продолжаетъ далѣе О. И., и тѣмъ заключаетъ толкованіе Даріева Манифеста, — результаты, вовсе неожиданные, и бросить совершенно новый свѣтъ на вопросъ о чтеніи стрѣльчатыхъ письменъ.» Ну, суди, Боже, только видѣть мнѣ этотъ *новый свѣтъ съ Востока*, и потомъ, не жалѣя о мірѣ, могу воскликнуть съ однимъ Римлянином: «Inveni portum: spes et fortuna valete!» и проч.

Но пока это будетъ, думаю, послѣ всего, сказаннаго выше, я могу заключить этѣ строки о дешифровкѣ Манифеста Даріева, слѣдующей начальной строкой всѣхъ десяти надписей подъ или надъ фигурами самозванцевъ на картинѣ, изваянной (слова О. И.) на одномъ утесѣ горы въ Багистанѣ (пышной столицѣ Дарія въ южной Мидіи) и сохранившейся донынѣ; на этой картинѣ Дарій представленъ (по толкованію О. И., вопреки Діодору Сицилійскому и Ктезію), говорящимъ рѣчи 9-ти, связаннымъ за шеи и по рукамъ, самозванцамъ, стоя на животѣ десятаго изъ нихъ. Каждая надпись начинается, по Восточному, одинаково, именно: «Имъ. Гомадъ. и. Магъ. а'дурузьи. ôжâ,» что, по дешифровкѣ О. И., значитъ по Русски: «*Это Гомадъ Магъ одурачивалъ* (вздорилъ, лгалъ) *такъ.*» Сущая правда! Не забудьте, что Гомадъ Магусъ или Магъ, въ Даріевомъ Манифестѣ тоже, что «*самозванецъ Магъ,*» а Маги на Востокѣ, — говорятъ другіе Оріенталисты, — тоже, что ученые въ Европѣ; стало быть, эту Персидскую надпись можно по Русски читать еще и такъ: «*Это самозванецъ ученый одурачивалъ такъ.*» Странныя надписи сочиняютъ на Востокѣ!.....

Но, замѣтятъ мнѣ: «Славянскій промахъ не роняетъ откровеній Востока.» Такъ-съ! Однако, если мы промахнулись, почему бы то ни было, по недостатку ли ума, сердца, воли, и т. п., тамъ, гдѣ никакъ не льзя было ожидать промаха; если мы употребляемъ возло что-либо тамъ, гдѣ каждый, или очень многіе, въ состояніи держать намъ

контроль, и, при всемъ томъ, для краснаго словца, пожертвовали самой истиной, намѣренно и во очію наряжаемъ ее въ платье скомороха и потѣшаемъ Православный людъ: то какъ же хотите, чтобы намъ повѣрили въ такомъ дѣлѣ, которое все, съ головы до пятокъ, зависитъ отъ воли одного человѣка, отъ большей, или меньшей, добросовѣстности его? Какъ требовать вѣры въ разоблаченіе мнѳовъ Востока, когда нѣтъ вѣрности Европѣ? Какъ устранить, послѣ великолѣпнаго и вѣчно памятнаго превращенія нашихъ *всѣхъ мыслей и событій* въ *свинину избитую*, невольную и естественную недовѣрчивость къ откровенію Восточной Кабалы, что въ немъ нѣтъ Персидскаго *а'дурузьй* Русскаго *Гомадъ Мага?* *Въ насъ бо нынѣ суть хитрости и всѣ козньства*, послѣжде же умышлена вещей, яко же что на потребу бѣаше кому въ житіи семъ.» Вѣдь, «fama manet facti,.... — говоритъ Римскій поэтъ, — et memorem famam, qui bene gessit, habet;» a qui male gessit (malefecit?), immemorem? Не правда ли?.... Да! «*Казители истинніи* не хотятъ книжнаго разума разумѣти, но яко же имъ годѣ есть себѣ,» пишутъ старики наши; за то и: «кояждо хитрость отлучена есть на свою кождо казнь....»

О. Бодянскій.

Москва.
17-го Апрѣля,
1848.

(*Статья изъ No 5-го Москвитянина 1848 г.*)

Печатать позволяется. Москва Мая 7-го 1848 года.
Цензоръ В. Лешковъ.